

Лев Николаевич

Толстой

Записки маркера

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1935

Электронное издание осуществлено

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы:

Государственный музей Л.Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания АBBYY

Подготовлено на основе электронной копии 3–го тома

Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90–томного собрания сочинений Л.Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ.

В настоящий том входят шесть произведений 1852–1856 гг.: «Набег», «Рубка леса», «Разжалованный» («Встреча в отряде с московским знакомым»), «Записки маркера», «Метель» и «Два гусара».

Рукописный материал, впервые печатаемый в этом томе, представлен двумя незаконченными произведениями: «Поездка в Мамакай-юрт» и «Дяденька Жданов и кавалер Чернов», затем вариантами рассказа «Разжалованный», которые показывают, на какие цензурные уступки вынужден был идти Толстой, наконец, вариантами к «Набегу», «Рубке леса» и «Запискам маркера». Из двадцати четырех вариантов «Набега» впервые публикуются пятнадцать; впервые печатаются единственный сохранившийся набросок начала «Рубки леса», а также семь вариантов «Записок маркера».

Рассказ «Святочная ночь (Как гибнет любовь)», в последние годы дважды напечатанный по новой орфографии, впервые дан в орфографии подлинника. Страничка с перечнем глав этого произведения, сделанным в процессе его создания, и два варианта печатаются впервые.

Печатные варианты к «Набегу», «Рубке леса» и «Запискам маркера» по журнальным текстам дают представление об исключительно-суровых цензурных условиях, при которых эти рассказы впервые увидели свет.

В текстологических работах над рассказами «Святочная ночь», «Дяденька Жданов и кавалер Чернов» и «Записки маркера» принимали участие А. И. Толстая-Попова и П. С. Попов.

Н. М. Мендельсон.

С. Л. Толстой.

Москва, 24 июня 1930 г.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Н. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с сохранением больших букв и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Л. Н. Толстого и лиц его круга (брычка, пожалуста).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Л. Н. Толстого (произведения неотделанные, незаконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «кый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» и т. п., лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова в процессе беглого письма, для экономии времени и сил, писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?].

На месте не поддающихся прочтению слов ставится [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сносках, а в самом тексте и ставятся в ломаных < > скобках; однако в отдельных случаях допускается воспроизведение зачеркнутых слов в ломаных < > скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках.

Подчеркнутое печатается курсивом.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Обозначения в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают:

* – что печатается впервые,

** – что напечатано после смерти Л. Толстого,

*** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и

**** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Фототипия с фотографии Л. Н. Толстого, снятой в 1854 [?] г. (размер подлинника) – между 12 и 13 стр.

ЗАПИСКИ МАРКЕРА.

РАССКАЗ.

(1853–1855)

Так часу в третьем было дело. Играли господа: гость большой (так его наши прозвали), князь был (что с ним всё ездит), усатый барин тоже был, гусар маленький, Оливер, что в актерах был, Пан были. Народу было порядочно.

Гость большой с князем играли. Только вот я себе с машинкой круг бильярда похаживаю, считаю: девять и сорок восемь, двенадцать и сорок восемь. Известно, наше дело маркёрское: у тебя еще во рту куска не было, и не спал–то ты две ночи, а всё знай покрикивай да шары вынимай. Считаю себе, смотрю: новый барин какой–то в дверь вошел, посмотрел, посмотрел да и сел на диванчик. Хорошо.

«Кто, мол, это такой будет? из каких, то есть», думаю про себя.

Одет чисто, уж так чисто, что как с иголки всё платье на нем: брюки триковые клетчатые, сюртучок модный, коротенький, жилет плюшевый и цепь золотая, а на ней всякие штучки висят.

Одет чисто, а уж из себя еще того чище: тонкий, высокий, волоса завиты наперед, по–модному, и с лица белый, румяный, – ну, сказать, молодец.

Оно известно, наше дело такое, что народу всякого видим: и самого что ни есть важного, и дряни–то много бывает, так всё хотя и маркёл, а к людям приноровишься, то есть, в том разе, что в политике–то кое–что смыслишь.

Посмотрел я на барина,– вижу, сидит тихо, ни с кем не знаком, и платье–то на нем новехонько; думаю себе: али из иностранцев, англичан будет, али из графов каких приезжих. И даром что молодой, вид имеет в себе. Подле него Оливер сидел, так посторонился даже.

Кончили партию. Большой проиграл, кричит на меня:

– Ты, – говорит, – всё врешь: не так считаешь, по сторонам смотришь.

Бранится, кий шваркнул и ушел. Вот поди ты! По вечерам с князем по пятидесяти целковых партию играют, а тут бутылку макону проиграл и сам не в себе. Уж такой характер! Другой раз до двух часов играют с князем, денег в лузу не кладут, и уж знаю, денег нет ни у того, ни у другого, а всё форсят:

– Идет, – говорит, – от двадцати пяти угол?

– Идет!

Зевни только али шара не так поставь – ведь не каменный человек! – так еще норовит в морду заехать.

– Не на щепки, – говорит, – играют, а на деньги.

Уж этот пуще всех меня донимает.

Ну, хорошо. Только князь и говорит новому барину–то, как большой ушел:

– Не угодно ли, – говорит, – со мной сыграть?

– С удовольствием, говорит.

Сидел он, так таким фофаном смотрит, что ну! Куражный то есть из себя; ну, а как встал, подошел к бильярду, и не то: заробел. Заробел, не заробел, а видно, что уж не в своем духе. В платье, что ли, в новом неловко, али боится, что смотрят все на него, только уж форцу того нет. Ходит боком как–то, карманом за лузы цепляет, станет кий мелить – мел уронит. Где бы и сделал шара, так всё оглядывается да краснеет. Не то, что князь: тот уж привык – намелит, намелит себе руку, рукава засучит, да как пойдет садить, так лузы трещат, даром что маленький.

Сыграли две ли три партии, уж не помню, князь кий положил, говорит:

– Позвольте узнать, как ваша фамилия?

– Нехлюдов, – говорит.

– Ваш, – говорит, – батюшка корпусом командовал?

– Да, – говорит.

Тут по–французски что–то часто заговорили; уж я не понял. Должно, всё родство вспоминали.

– А ревуар, – говорит князь: – очень рад с вами познакомиться.

Вымыл руки и ушел кушать; а тот стоит с кием у бильярда, шарики поталкивает.

Наше дело, известно, с новым человеком что грубей быть, то лучше: я взял шары да и собираю. Он покраснел, говорит:

– Можно еще сыграть?

– Известно, – говорю, – на то бильярд стоит, чтоб играть. А сам на него не смотрю, кии уставляю.

– Хочешь со мной играть?

– Извольте, – говорю, – сударь! Шары поставил.

– На пролаз угодно?

– Что такое значит, – говорит, – на пролаз?

– Да так, – я говорю, – вы мне полтинничек, а я под бильярд пролезу.

Известно, ничего не видавши, чудно ему показалось, смеется.

– Давай, – говорит.

Хорошо. Я говорю: – Мне вперед сколько пожалуете?

– Разве, – говорит, – ты хуже меня играешь?

– Как можно, – я говорю, – у нас против вас игроков мало.

Стали играть. Уж он и точно думает, что мастер: стучит так, что беда; а Пан сидит да всё приговаривает:

– Вот так шар! Вот так удар!

А какой!.. ударишка точно был, да расчету ничего не знает. Ну, как водится, проиграл я первую партию: полез, кряхчу. Тут Оливер, Пан с местов пососкочили, киями стучат.

– Славно! Еще, – говорят, – еще!

А уж чего «еще»! Особенно Пан – то за полтинник рад бы не то под бильярд, под Синий мост пролезть. А то туда же кричит:

– Славно, – говорит, – пыль не всю еще вытер.

Петрушка маркёл, я чай, всем известен. Тюрин был да Петрушка маркёл.

Только игры, известно, не открыл: проиграл другую.

– Мне, – говорю, – с вами, сударь, так и так не сыграть. Смеется. Потом как выиграл я три партии – у них сорок девять было, у меня никого – я положил кий на бильярд, говорю:

– Угодно, барин, на всю?

– Как на всю? – говорит.

– Либо три рубля за вами, либо ничего, – говорю.

– Как, – говорит, – разве я с тобой на деньги играю? Дурак!

Покраснел даже.

Хорошо. Проиграл он партию.

– Довольно, – говорит.

Достал бумажник, новенький такой, в аглицком магазине куплен, открыл, уж я вижу, пофорсить хотел. Полнехонек денег, да всё сторублевые.

– Нет, – говорит, – тут мелочи нет.

Достал из кошелька три рубля.

– Тебе, – говорит, – два, да за партии, а остальное возьми на водку.

Благодарю, мол, покорно. Вижу, барин славный! Для такого можно полазить. Одно жаль: на деньги не хочет играть; а то, думаю, уж я бы изловчился: глядишь, рублей двадцать, а то и сорок потянул бы.

Как Пан увидел деньги у молодого барина–то: – Не угодно ли, говорит, со мной партию? Вы так отлично играете. – Такой лисой подъехал.

– Нет, – говорит, – извините: мне некогда. – И ушел.

И черт его знает, кто он такой был, Пан этот. Прозвал его кто–то паном, так и пошло. День деньской, бывало, сидит в бильярдной, всё смотрит. Уж его и били–то, и ругали, и в игру ни в какую не принимали, всё сидит себе, принесет трубку и курит. Да уж и играл чисто... бестия!

Хорошо. Пришел Нехлюдов в другой раз, в третий, стал часто ходить. И утром, и вечером, бывало, ходит. В три шара, алагер, пирамидку – всё узнал. Смелей стал, познакомился со всеми и играть стал порядочно. Известно, человек молодой, большой фамилии, с деньгами, так уважал каждый. Только с одним с гостем с большим раз как–то повздорил.

И из–за пустяков дело вышло.

Играли алагер князь, гость большой, Нехлюдов, Оливер и еще кто–то. Нехлюдов стоит около печки, говорит с кем–то, а большому играть, – он же крепко выпимши был в тот раз. Только шар его и придишь как раз против самой печки: тесненько там, да и любит он размахнуться.

Вот он, не видал, что ли, Нехлюдова, али нарочито, как размахнется в шара, да Нехлюдова в грудь турником ка–ак стукнет! Охнул даже сердечный. Так что ж? Нет того, чтоб извиниться – грубый такой! Пошел себе дальше, на него и не посмотрел; да еще бормочет:

– Чего, – говорит, – тут суются? От этого шара не сделал. Разве нет места?

Тот подошел к нему, побледнел весь, а говорит, как ни в чем не был, учтиво так:

– Вы бы прежде, сударь, должны извиниться: вы меня толкнули, – говорит.

– Не до извинений мне теперь: я бы, – говорит, – должен выиграть, а теперь, – говорит, – вот моего шара сделают.

Тот ему опять говорит:

– Вы должны, – говорит, – извиниться.

– Убирайтесь вы, – говорит. – Вот пристал!

А сам всё на своего шара смотрит.

Нехлюдов подошел к нему еще ближе да за руку его.

– Вы невежа, – говорит, – милостивый государь!

Даром что тоненький, молоденький, как девушка красная, а какой задорный: глазенки горят, вот так съест его хочет. Большой–то гость мужчина здоровый, высокий, куда Нехлюдову!

– Что–о? – говорит, – я невежа!

Да как закричит, да как замахнется на него. Тут подскочили, кто был, за руки их поймали обоих, растащили.

Тары да бары, Нехлюдов говорит:

– Пусть он мне удовлетворенье даст, он меня оскорбил, дескать, – т. е. дуэль хотел с ним иметь. Известно, господа: уж у них такое заведение... нельзя!.. Ну, одно слово, господа!

– Никакого, – говорит, – удовлетворенья знать не хочу! Он мальчишка, больше ничего. Я его за уши выдеру.

– Ежели вы, – говорит, – не хотите драться, так вы не благородный человек.

А сам чуть не плачет.

– А ты, – говорит, – мальчишка! я от тебя ничем не обижусь.

Ну, развели их, как водится, по разным комнатам. Нехлюдов с князем дружны были.

– Поди, – говорит, – ради Бога, уговори его, чтобы он, то есть, на дуэль согласие сделал. Он, – говорит, – пьян был; может, он опомнится. Нельзя, – говорит, – этому так кончиться.

Пошел князь. Большой говорит:

– Я, – говорит, – и на дуэли, и на войне дрался. Не стану, – говорит, – с мальчишкой драться. Не хочу, да и шабаш.

Что ж, поговорили, поговорили, да и замолчали; только гость большой перестал к нам ездить.

Насчет этого, то есть канфузу, какой петушок был, амбиционный был... то есть, Нехлюдов–то... а уж что касается чего другого прочего, так вовсе не смыслил. Помню раз:

– Кто у тебя здесь есть? – говорит князь Нехлюдову–то.

– Никого, – говорит.

– Как же, – говорит, – никого?

– Зачем? – говорит.

– Как зачем?

– Я, – говорит, – до сих пор так жил, так отчего же нельзя?

– Как: так жил? Не может быть!

И заливается–хохочет, и усатый барин тоже хохочет. Совсем на смех подняли.

– Так никогда? – говорят.

– Никогда.

Помирают со смеху. Я, известно, сейчас понял, что они так над ним смеются. Смотрю: что, мол, будет из него?

– Поедем, – говорит князь, – сейчас.

– Нет, ни за что! – говорит.

– Ну, полно! это смешно, – говорит. – Выпей для куражу, да и поедем.

Принес я им бутылку шампанского. Выпили, повезли молодчика.

Приехали часу в первом. Сели ужинать, и собралось их много, что ни есть самые лучшие господа: Атанов, князь Разин, граф Шустах, Мирцов. И все Нехлюдова поздравляют, смеются. Меня позвали. Вижу – веселы порядочно.

– Поздравляй, – говорят, – барина.

– С чем? – говорю.

Как бишь он сказал? с посвящением ли, с просвящением ли, не помню уж хорошенько.

– Честь имею, – говорю, – поздравить.

А он красный сидит; улыбается только. То–то смеху–то было!

Хорошо. Приходят потом в бильярдную, веселы все, а Нехлюдов на себя не похож: глаза посоловели, губами водит, икает всё и уж слова не может сказать хорошенько. Известно, ничего не видавши, его и сшибло. Подошел он к бильярду, облокотился, да и говорит:

– Вам, – говорит, – смешно, а мне грустно. Зачем, – говорит – я это сделал; и тебе, – говорит, – князь, и себе в жизнь свою этого не прощу.

Да как зальется, заплачет. Известно, выпил, сам не знает, что говорит. Подошел к нему князь, улыбается сам.

– Полно, – говорит, – пустяки!.. Поедем домой, Анатолий.

– Никуда, – говорит, – не поеду. Зачем я это сделал?

А сам-то заливается. Нейдет от бильярда, да и шабаш. Что значит человек молодой, непривычный.

Таким-то родом ездил он к нам часто. Приезжают раз с князем и с усатым господином, который всё с князем ходил. Из чиновников или из отставных каких он был, Бог его знает, только Федоткой его всё господа звали. Скуластый, дурной такой, а ходил чисто и в карете ездил. За что его господа так любили, Бог их ведает. Федотка, Федотка, а глядишь – его и кормят, и поят, и деньги за него платят. Да уж и шельма же был! проиграет – не платит; а выиграет, так не бось! Уж его и ругали-то, и бил в глазах моих гость большой, и на дуэль вызывал... всё с князем под ручку ходит.

– Ты, – говорит, – пропадешь без меня. Я Федот, – говорит, – да не тот.

Шутник такой! Ну, ладно. Приехали, говорят:

– Давай алагер втроем составим.

– Давай, – говорит.

Стали играть по три рубля ставку. Нехлюдов с князем тары да бары.

– Ты, – говорит, – посмотри, какая у нее ножка. Нет, – говорит, – что ножка! у нее коса, – говорит, – хороша.

Известно, на игру не смотрят; только всё промеж себя разговаривают. А Федотка свое дело помнит: знай с накатцем сыграет, а те промах али вовсе на себя. И зашиб по шести рублей с брата. С князем-то у них Бог знает какие счета были, никогда друг другу денег не платили, а Нехлюдов достал две зелененьких, подает ему.

– Нет, – говорит, – я не хочу с тебя денег брать. Давай простую сыграем: китудубль, то есть: либо вдвое, либо ничья.

Поставил я шаров. Федотка вперед взял, и стали играть. Нехлюдов-то бьет, чтоб пофорсить; другой раз на партии стоит: нет, – говорит, – не хочу, легко, мол, слишком; а Федотка свое дело не забывает, знай себе подбирает. Известно, игру скрыл, да как будто невзначай и выиграй партию.

– Давай, – говорит, – еще на все.

– Давай.

Опять выиграл.

– С пустяков, – говорит, – началось. Я не хочу у тебя много выигрывать. Идет на все?

– Идет.

Оно как бы ни было, пятидесяти–то рублей жалко. Уж Нехлюдов просит: «давай на всю». Пошла да пошла, дальше да больше, двести восемьдесят рублей на него и набил. Федотка сноровку знает: простую проиграет, а угол выиграет. А князь сидит, видит, что дело в серьёз пошло.

– Асе, 77 – говорит, – асе.

Какой! всё куш прибавляют.

Наконец тому дело вышло, за Нехлюдовым пятьсот с чем–то рублей. Федотка кий положил, говорит:

– Не довольно ли? я устал, – говорит.

А сам до зари готов играть, только б денешки были... политика, известно. Тому еще пуще хочется: давай да давай.

– Нет, – говорит, – ей Богу, устал. Пойдем, – говорит, – наверх; там реванш возьмешь.

А наверху у нас в карты играли господа. Сначала преферансик, а там глядишь – любишь не любишь пойдет.

Вот с того самого числа так его Федотка окрутил, что начал он к нам каждый день ездить. Сыграет партию–другую, да и наверх, да и наверх.

Уж что там у них бывало, Бог их знает; только что совсем другой человек стал, и с Федоткой всё пошло заодно. Прежде, бывало, модный, чистенький, завитой, а нынче только с утра еще в настоящем виде; а как наверху побывал, придет взъерошенный, сюртук в пуху, в мелу, руки грязные.

Раз таким манером приходит оттуда с князем, бледный, губы трясутся, и спорит что–то.

– Я, мол, не позволю ему говорить мне (как бишь он сказал?)... что я не великатын, что ли, и что он моих карт не будет бить. Я, – говорит, – ему десять тысяч заплатил, так он мог бы при других–то быть осторожнее.

– Ну, полно, – говорит князь: – стоит ли на Федотку сердиться?

– Нет, – говорит, – я этого так не оставлю.

– Перестань, – говорит, – как можно до того унижаться, что с Федоткой иметь историю!

– Да ведь тут были посторонние.

– Что ж, – говорит, – посторонние? Ну, хочешь, я его сейчас заставлю у тебя прощения просить?

– Нет, – говорит.

И забормотали что-то по-французски, уж я не понял. Что ж? тот же вечер с Федоткой вместе ужинали, и опять дружба пошла.

Хорошо. Придет другой раз один.

– Что, – говорит, – хорошо я играю?

Наше дело, известно: потрафлять каждому надо; скажешь: хорошо, – а какой хорошо, стучит дуром, а расчету ничего нет. И с того самого время, как с Федоткой связался, всё на деньги играть стал. Прежде не любил ни на что, – ни на кушанье, ни на шампанское. Бывало, князь скажет:

– Давай на бутылку шампанского.

– Нет, – говорит, – я лучше так велю принести... Гей! дай бутылку.

А нынче всё на интерес стал играть. Ходит, бывало, день деньской у нас, или с кем в бильярд играет, или наверх пойдет. Я себе и думаю: что же другим, а не мне всё будет доставаться?

– Что, – говорю, – сударь, со мной давно не играли?

Вот и стали играть.

Как набил я на него полтинников десять, – на квит, – говорю, – хотите, сударь?

Молчит. Не то что прежде дурака сказал. Вот и стали играть на квит да на квит. Я на него рублей восемьдесят и набил. Так что ж? Каждый день со мной играть стал. Того и ждет, бывало, чтобы не было никого, а то, известно, при других стыдно ему с маркёлом играть. Раз как-то погорячился он, а рублей уж за ним с шестьдесят было.

– Хочешь, – говорит, – на все?

– Идет, говорю.

Выиграл я.

– Сто двадцать на сто на двадцать?

– Идет, – говорю.

Опять выиграл.

– Двести сорок на двести на сорок?

– Не много ли будет? – говорю.

Молчит. Стали играть: опять моя партия.

– Четыреста восемьдесят на четыреста на восемьдесят?

Я говорю:

– Что ж, сударь, мне вас обижать. Сто-то рубликов пожалуйста; а то пусть так будут.

Так он как крикнет! А ведь какой тихий был.

– Я, – говорит, – тебя исколочу. Играй или не играй.

Ну, вижу, делать нечего.

– Триста восемьдесят, – говорю, – извольте.

Известно, хотел проиграть.

Дал я сорок вперед. У него пятьдесят два было, у меня тридцать шесть. Стал он желтого резать, да и положи на себя восемнадцать очков, а мой – на перекате стоял.

Ударил я так, чтоб выскочил шар. Не тут-то было, он дуплетом и упади. Опять моя партия.

– Послушай, – говорит, – Петр (Петрушкой не назвал), я тебе сейчас не могу отдать всех, а через два месяца хоть три тысячи могу заплатить.

А сам весь кра-асный стал, дрожит ажно голос у него.

– Хорошо, – говорю, – сударь.

Да и поставил кий. Он походил, походил, пот так с него и льет.

– Петр, – говорит, – давай на все.

А сам чуть не плачет.

Я говорю:

– Что, сударь, играть!

– Ну, давай, пожалуйста.

И сам кий мне подает. Я взял кий да шары на бильярд так шваркнул, что на пол полетели: известно, нельзя не пофорсить; говорю:

– Давай, сударь.

А уж он так заторопил, что сам шар поднял. Думаю себе: «Не получить

мне семисот рублей; всё равно проиграю». Стал нарочно играть. Так что же?

– Зачем, – говорит, – нарочно дурно играешь?

А у самого руки дрожат; а как шар к лузе бежит, так пальцы растарашит, рот скривит да всё к лузе и головой–то и руками тянет. Уж я говорю:

– Этим не поможешь, сударь.

Хорошо. Как выиграл он эту партию, я говорю:

– Сто восемьдесят рубликов за вами будет да полтора ста партий; а я, мол, ужинать пойду.

Поставил кий и ушел.

Сел я себе за столик против двери, а сам смотрю: что, мол, из него будет? Так что ж? Походит, походит – чай думает: никто на него не глядит – да за волосы себя как дернет, и опять ходит, бормочет всё что–то, да опять как дернет.

После того дней с восемь не видать его было. Пришел в столовую раз, угрюмый такой, и в бильярдную не зашел.

Увидал его князь:

– Пойдем, – говорит, – сыграем.

– Нет, – говорит, – я больше играть не буду.

– Да полно! пойдем.

– Нет, – говорит, – не пойду. Тебе, – говорит, – добра не сделает, что я пойду, а мне дурно от этого будет.

Так и не ходил дней с десять еще. А потом на праздниках как–то заехал, во фраке, видно в гостях был, и целый день пробыл: всё играл; на другой день приехал, на третий... Пошло по–старому. Хотел я было с ним еще поиграть, так – нет, – говорит, – с тобой играть не стану. А сто восемьдесят рублей, что я тебе должен, приди ко мне через месяц: получишь.

Хорошо. Пришел к нему через месяц.

– Ей–Богу, – говорит, – нет, а в четверг приди.

Пришел я в четверг. Славную такую четверку занимал.

– Что, – говорю, – дома?

– Почивает, – говорят.

Хорошо, подожду.

Камердин у него из своих был – старичок такой седенький, простой, ничего политики не знал. Вот и поразговорились мы с ним.

– Что, – говорит, – мы тут живем с барином! Совсем замотались, и никакой им ни чести, ни пользы нет от Петербургу от этого. Из деревни ехали, думали: будем как при покойнике барине, царство небесное, по князьям, по графам да по генералам ездить; думали: возьмем себе какую из графинь кралю, с приданым, да и заживем по-дворянски; а выходит на поверку, что мы только по трахтирам бегаем – совсем плохо! Княгиня-то Ртищева ведь нам тетка родная, а князь Воротынцев тятенька хресный. Что ж? только на Рождество был раз, да и носу не кажет. Уж ихние люди и то смеются мне: что, мол, ваш барин-то, видно, не в папеньку пошел. Я раз и говорю ему:

– Что, сударь, к тетеньке не изволите ездить? Они скучают, что вас давно не видали.

– Скучно, – говорит, – там, Демьяныч!

Поди ты! только и веселья нашел, что в трахтире. Хоть бы служил что ли, а то нет: занялся картами да прочим, а уж евти дела никогда к добру не поведут... Э-эх! пропадаем мы, так, ни за грош пропадаем!.. У нас от барыни-покойницы, царство небесное, богатейшее именье осталось: тысяча душ слишком, тысяч на триста лесу было. Всё заложил теперь, лес продал, мужичков разорил, и всё нет ничего. Без господина, известно, управляющий сам больше господина... дерет с мужика последнюю шкуру, да и шабаш. Ему что? набить бы только карман, а там хоть с голоду все помирай. Намедни пришли два мужичка, жалобы принесли от всей вотчины.

– Разорил, – говорят, – в конец мужиков.

Что ж? прочитал жалобы, дал по десяти рублей мужичкам. – Я, – говорит, – сам скоро буду. Получу деньги, – говорит, – расплачусь, тогда уеду.

А где расплатиться, когда мы всё долги делаем! Ведь много ли, мало ли, тут зиму прожили, тысяч восемьдесят спустили; а теперь в доме рубля серебром нету! А всё от добродетели своей. Уж такой простой барин, что и сказать нельзя. От этого самого и пропадает, так вот ни за что пропадает.

И сам чуть не плачет, старик-то. Такой старик смешной.

Проснулся часу в одиннадцатом, позвал меня.

– Не прислали мне, – говорит, – денег, только я виноват. Затвори, – говорит, – дверь.

Я затворил.

– Вот, – говорит, – возьми часы или булавку брильянтовую и залож

их. Тебе, – говорит, – за них больше ста восьмидесяти рублей дадут, а когда я получу деньги, то выкуплю, – говорит.

– Что ж, – я говорю, – сударь, коли денег у вас нет, нечего делать: пожалуйста хоть часы. Я для вас могу уважить.

А сам вижу, что часы рублей триста стоят.

Хорошо. Заложил я часы за сто рублей, а записку ему принес.

– Восемьдесят, – говорю, – рублей за вами будут; а часы сами извольте выкупить.

Так и по сие время восемьдесят рублей моих денег за ним осталось.

Таким-то родом стал он к нам опять каждый день ходить. Уж не знаю, какие у них промеж себя расчеты были, только всё вместе с князем езжали. Или с Федоткой наверх пойдут играть. И тоже какие-то у них втроем мудреные счеты были: тот тому дает, тот тому дает; а кто кому должен, не разберешь никак.

И бывал он таким манером у нас два года, почитай, что каждый день, только вид уж свой потерял: бойкой стал и другой раз до того доходил, что у меня по целковому занимал извозчику отдать; а по сту рублей с князем партию играли.

Скучный, худой, желтый стал. Приедет, бывало, абсинту сейчас рюмочку велит подать, канапе закусит, да портвейном запьет; ну, и повеселей как будто.

Приезжает раз перед обедом, на маслянице дело было, и стал с каким-то гусаром играть.

– Хотите, – говорит, – заинтересовать партию?

– Извольте, – говорит. – На что?

– Бутылку Клодвужо, хотите?

– Идет.

Хорошо. Гусар выиграл, и пошли кушать. Сели за стол; только Нехлюдов и говорит:

– Simon! бутылку Клодвужо; да смотри, согреть хорошенько.

Simon ушел, приносит кушанье, бутылки нет.

– Что ж, говорит, вино?

Simon побежал, приносит жаркое.

– Подавай же вино, – говорит.

Simon молчит.

– Что ты с ума сошел! мы уж кончаем обедать, а вина нет. Кто ж его пьет с десертом?

Побежал Simon.

– Хозяин, – говорит, – вас просит.

Покраснел весь, выскочил из-за стола.

– Что, – говорит, – ему надо?

А хозяин стоит у двери.

– Я, – говорит, – не могу вам больше верить, коли вы мне по счету не заплатите.

– Да я, – говорит, – вам сказал, что я в первых числах отдам.

– Как вам угодно, – говорит, – будет; а я в долг не могу беспрестанно давать и ничего не получать. У меня и так, – говорит, – десятки тысяч в долгах пропадают.

– Ну, полно, моншер, – говорит, – уж мне-то можно поверить. Пришлите бутылку, а я постараюсь вам поскорее отдать.

И убежал сам.

– Что это, вас зачем вызывали? – гусар говорит.

– Так, – говорит, – просил меня об одной вещи.

– А славно бы, – говорит гусар, – теперь винца тепленького стакан выпить.

– Simon, что же?!

Побежал мой Simon. Опять нет ни вина, ничего. Плохо. Вышел из-за стола, прибежал ко мне.

– Ради Бога, – говорит, – Петруша, дай мне шесть целковых.

А на самом лица нет.

– Нету, – говорю, – сударь, ей-Богу, да уж и так за вами моих много.

– Я тебе, – говорит, – сорок целковых за шесть через неделю отдам.

– Коли бы были, – говорю, – я бы не смел отказать, а то, ей-ей, нету.

Так что же? выскочил, зубы стиснул, кулаки сжал, как шальной по коридору бегаёт, да по лбу себя как треснет.

– Ах! – говорит, – Господи! Что это?

Даже не зашел в столовую, вскочил в карету и ускакал.

То-то смеху было. Гусар говорит:

– Где, мол, барин, что со мной обедал?

– Уехал, – говорят.

– Как уехал? Что ж он сказать велел?

– Ничего, – говорят, – не велели сказывать: сели, да и уехали.

– Хорош, – говорит, – гусь!

Ну, думаю себе, теперь долго ездить не будет, после то есть сраму такого. Так нет. На другой день в вечеру приезжает. Пришел в бильярдную и ящик какой-то с собой принес. Снял пальто.

– Давай играть, – говорит.

Глядит исподлобья, сердитый такой.

Сыграли партийку.

– Довольно, – говорит, – поди принеси мне перо и бумаги: письмо нужно написать.

Я, ничего не думамши, не гадамши, принес бумаги, положил на стол в маленькую комнату.

– Готово, – говорю, – сударь.

Хорошо. Сел за стол. Уж он писал, писал, бормотал всё что-то, вскочил потом нахмуренный такой.

– Поди, – говорит, – посмотри, приехала ли моя карета?

Дело в пятницу на Масляной было, так никого из гостей не было: все по балам.

Я пошел было узнать о карете, только за дверь вышел:

– Петрушка! Петрушка!– кричит, точно испужался чего.

Я вернулся. Смотрю, он белый, вот как полотно, стоит, на меня смотрит.

– Звать, – говорю, – изволили, сударь?

Молчит.

– Что, – говорю, – вам угодно?

Молчит.

– Ах, да! давай еще играть, – говорит.

Хорошо. Выиграл он партию.

– Что, – говорит, – хорошо я научился играть?

– Да, – я говорю.

– То-то. Поди, – говорит, – теперь, узнай, что карета?

А сам по комнате ходит.

Я себе, ничего не думая, вышел на крыльцо: вижу, кареты никакой нет, иду назад.

Только иду назад, слышу, кием ровно стукнул кто-то. Вхожу в бильярдную: пахнет что-то чудно.

Глядь: а он на полу лежит, ве-есь в крови, и пистоль подле брошена. Так я до того испужался, что слова сказать не мог.

А он дрыгнет, дрыгнет ногой, да и потянется. Захрапел потом, да и растянулся вот таким родом.

И отчего такой грех с ними случился, что душу свою загубил, то есть Бог его знает; только что бумагу эту оставил, да и то я никак не соображу.

Уж чего не делают господа!.. Сказано, господа... Одно слово: – господа.

«Бог дал мне всё, чего может желать человек: богатство, имя, ум, благородные стремления. Я хотел наслаждаться и затоптал в грязь всё, что было во мне хорошего.

«Я не обещен, не несчастен, не сделал никакого преступления; но я сделал хуже: я убил свои чувства, свой ум, свою молодость.

«Я опутан грязной сетью, из которой не могу выпутаться и к которой не могу привыкнуть. Я беспрестанно падаю, падаю; чувствую свое падение и не могу остановиться. Мне легче бы было быть обещенным, несчастным или преступным: тогда было бы какое-то утешительное, угрюмое величие в моем отчаянии. Ежели бы я был обещен, я бы мог подняться выше понятий чести нашего общества и презирать его. Ежели бы я был несчастлив, я бы мог роптать. Ежели бы я сделал преступление, я бы мог раскаянием или наказанием искупить его; но я просто низок, гадок, знаю это – и не могу подняться.

«И что погубило меня? Была ли во мне какая-нибудь сильная страсть, которая бы извиняла меня? Нет.

«Семерка, туз, шампанское, желтый в середину, мел, серенькие, радужные бумажки, папиросы, продажные женщины – вот мои воспоминания!

«Одна ужасная минута забвения, низости, которой я никогда не забуду, заставила меня опомниться. Я ужаснулся, когда увидел, какая неизмеримая пропасть отделяла меня от того, чем я хотел и мог быть. В моем воображении возникли надежды, мечты и думы моей юности.

«Где те светлые мысли о жизни, о вечности, о Боге, которые с такою ясностью и силой наполняли мою душу? Где беспредметная сила любви, отрадной теплотой согревавшая мое сердце? Где надежда на развитие, сочувствие ко всему прекрасному, любовь к родным, к ближним, к труду, к славе? Где понятие об обязанности?

«Меня оскорбили – я вызывал на дуэль и думал, что вполне удовлетворил требованиям благородства. Мне нужны были деньги для удовлетворения своих пороков и тщеславия – я разорил тысячи семейств, вверенных мне Богом, и сделал это без стыда, – я, который так хорошо понимал эти священные обязанности. Бесчестный человек сказал мне, что у меня нет совести, что я хочу красть, – и я остался его другом, потому что он бесчестный человек и сказал мне, что он не хотел меня обидеть. Мне сказали, что смешно жить скромником, – и я отдал без сожаления цвет своей души – невинность – продажной женщине. Да, никакой убитой части моей души мне так не жалко, как любви, к которой я так был способен. Боже мой! Любил ли хоть один человек так, как я любил, когда еще не знал женщин!

«А как я мог быть хорош и счастлив, ежели бы шел по той дороге, которую, вступая в жизнь, открыли мой свежий ум и детское, истинное чувство! Не раз пробовал я выйти из грязной колеи, по которой шла моя жизнь, на эту светлую дорогу. Я говорил себе: употреблю всё, что есть у меня воли, – и не мог. Когда я оставался один, мне становилось неловко и страшно с самим собой. Когда я был с другими, я забывал невольно свои убеждения, не слышал более внутреннего голоса и снова падал.

«Наконец я дошел до страшного убеждения, что не могу подняться, перестал думать об этом и хотел забыться; но безнадежное раскаяние еще сильнее тревожило меня. Тогда мне в первый раз пришла страшная для других и отрадная для меня мысль о самоубийстве.

«Но и в этом отношении я был низок и подл. Только вчерашняя глупая история с гусаром дала мне довольно решимости, чтобы исполнить свое намерение. Во мне не осталось ничего благородного – одно тщеславие, и из тщеславия я делаю единственный хороший поступок в моей жизни.

«Я думал прежде, что близость смерти возвысит мою душу. Я ошибался. Через четверть часа меня не будет, а взгляд мой несколько не изменился. Я так же вижу, так же слышу, так же думаю; та же странная непоследовательность, шаткость и легкость в мыслях, столь противоположная тому единству и ясности, которые, Бог знает зачем, дано воображать человеку. Мысли о том, что будет за гробом, и какие

толки будут завтра о моей смерти у тетушки Ртищевой, с одинаковой силой представляются моему уму.

«Непостижимое создание человек!»

Комментарий С. Л. Толстого

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ «ЗАПИСОК МАРКЕРА».

«Записки маркера» задуманы и написаны в сентябре 1853 года, в Железноводске, куда Толстой приезжал на некоторое время из Старогладковской станицы, для того чтобы полечиться и повидаться с сестрой Марией Николаевной, приехавшей туда же из центральной России, вместе с мужем гр. В. П. Толстым.

В то время у Толстого, по его обыкновению, было начато несколько работ, а именно: он продолжал «Отрочество», обдумывал «Роман русского помещика» и набрасывал кавказские очерки. 12 сентября он отметил в своем дневнике: «Окончил ист[орию] К[арла] И[вановича]» (главу «Отрочества»); 13 сентября он пишет: «Утром была тоска страшная», а затем «пришла мысль З[аписок] М[аркера], удивительно хорошо, писал, ходил смотреть Собрание и опять писал З[аписки] М[аркера]. Мне кажется, только теперь я пишу по вдохновению; от этого хорошо».

14 сентября он отметил в дневнике: «Окончил начерно и вечером написал один лист набело. Пишу с таким увлечением, что мне тяжело даже: сердце замирает. С трепетом берусь за тетрадь».

15 сентября опять отметка в дневнике: «Утро писал, не обедал, гулял... С 8 (вечера) писал до 11. Хорошо, но слишком неправильный слог. Больше половины написано».

16 сентября «Записки маркера» были окончены. В этот день Толстой пишет в дневнике: «Молодец! Я работал славно. Кончил».

17 сентября он отмечает, что написал письмо Некрасову; в то же время он отослал ему рукопись «Записок маркера». Таким образом этот рассказ был написан и переписан в четыре дня.

Некрасову Толстой писал: «Посылаю небольшую статью для напечатания в вашем журнале. Я дорожу ею гораздо более, чем Детством и Набегом; поэтому в третий раз повторяю условие, которое я полагаю для напечатания – оставление ее в совершенно том виде, в котором она есть. В последнем письме Вашем Вы обещали мне сообразоваться с моими желаниями в этом отношении. Ежели бы цензура сделала снова вырезки, то ради Бога, возвратите мне статью или, по крайней мере, напишите мне прежде печатания. Напечатать эту статью под заглавием,

выставленным в начале тетради, или: Самоубийца, Рассказ маркера, будет зависеть совершенно от Вашего произвола». («Архив села Карабихи», стр. 200.) Надо заметить, что Толстому была несвойственна та быстрота в работе, с которой написаны «Записки маркера», и та поспешность, с которой рассказ послан в печать. Вскоре он пожалел о своей поспешности: 25 октября 1853 г. он отметил в дневнике: «Я начинаю жалеть, что слишком поспешно послал «Записки маркера». По содержанию едва ли я много бы нашел изменить и прибавить в них, но форма не совсем тщательно отделана».

Некрасов писал Толстому 6 февраля 1854 г.: «... отвечал вам довольно скоро по получении рукописи («Записки маркера») по старому вашему адресу (на имя Н. Н. Толстого). Там я излагал и мнение мое об этой вещи, спрашивал вас в заключение – печатать ли всё-таки эту вещь или вы соглашаетесь на мои замечания? И так приходится мне теперь повторить эти замечания. «Записки маркера» очень хороши по мысли и очень слабы по выполнению; этому виной избранная вами форма; язык вашего маркера не имеет ничего характерного – это есть рутинный язык, тысячу раз употреблявшийся в наших повестях, когда автор выводит лицо из простого звания; избрав эту форму, вы без всякой нужды стеснили себя: рассказ вышел груб и лучшие вещи в нем пропали. Извините, я тороплюсь и не выбирал выражений, но вот сущность моего мнения об этом рассказе; это я счел долгом сообщить вам, прежде чем печатать рассказ, так как я считаю себя обязанным вам откровенностью за то лестное доверие, которым вы меня удостоили. Притом ваши первые произведения слишком много обещали, чтобы после того печатать вещь сколько-нибудь сомнительную. Однакож я долгом считаю прибавить, что если вы всё-таки желаете, я напечатаю эту вещь немедленно; мы печатаем много вещей и слабее этой, и, если я ждал с этою, то потому только, что ждал вашего ответа. Жду его и теперь...» («Голос минувшего», 1915, 5, стр. 211–212.)

Некрасов медлил с печатанием рассказа, по мотивам, им высказанным в этом письме. Толстой же, повидимому, не намеревался переделывать рассказ и, будучи уже не на Кавказе, а в Турции, писал ему 19 декабря 1854 г. следующее: «Напечатаны ли и когда будут напечатаны «Рассказ маркера» и «Отрочество»? И почему я не получаю «Современника»? Уведомьте меня, пожалуйста, об этом и страховым, чтобы было вернее. Адрес мой тот же, в Кишинев...». Рассказ был напечатан в январской книжке 1855 г. «Современника».

В «Записках маркера» можно найти некоторые черты из жизни самого Толстого. В первоначальной рукописи этого рассказа Нехлюдов говорит, что у него есть сестра, братья, тетка; упоминание о родителях показывает, что у Нехлюдова ко времени рассказа их не было. Известно, что Толстой также рано потерял родителей. Из его дневников можно видеть, что он под влиянием среды и страстности своего характера так же, как и Нехлюдов, отдавал дань некоторым увлечениям дворянской молодежи, чем жестоко мучался и за что беспощадно себя осуждал. Так, например, осенью 1852 года, живя в Тифлисе, он так же, как герой «Записок маркера», много проиграл бильярдному маркеру. В дневнике 20 марта 1853 года он записал: «В последний раз я играл в конце Августа – следовательно слишком 6 месяцев – и теперь не чувствую никакого позыва к игре. В Тифлисе я стал играть с маркером

и проиграл ему что-то около 1000 партий. В эту минуту я мог бы проиграть всё».

Затем он дает себе слово больше не играть, но, как видно из последующих дневников, не выдерживает характера.

Особенно подчеркивает автобиографичность рассказа предполагавшаяся, но не осуществленная вставка в рассказ (см. вар. № 7). Отношения Нехлюдова к светскому обществу, совет его тетушки вступить в связь с дамой из общества, упрекание себя в тщеславии и лени – всё это как бы выдержки из дневника самого Толстого.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К «ЗАПИСКАМ МАРКЕРА»

Рукопись, по которой рассказ «Записки маркера» печатался в «Современнике», и рукопись, по которой он печатался в сборнике «Для легкого чтения», до нас не дошли. В архиве Толстого Публичной Библиотеки Союза ССР имени Ленина находятся три черновые рукописи рассказа, написанные рукою Толстого. Бумага – фабрики бр. Варгуниных. Эти три рукописи состоят из: а) полной первоначальной редакции рассказа, б) неполной редакции и в) вставного листка.

а) (П. VI.) F°, 8 лл. Рукопись состоит из четырех листов писчей бумаги, исписанных с обеих сторон; последняя страница исписана лишь наполовину. Это – полный первоначальный черновик рассказа, который, как видно из дневника Толстого, написан горячо, в два дня, так сказать, одним взмахом пера. По почерку можно видеть, что рукопись писалась быстро. Многие слова недописаны, много помарок и вставок; некоторые слова неразборчивы или читаются с трудом.

б) (П. I.12.2.) 4°, 5 лл. Рукопись, состоящая из 5 листов, исписанных с обеих сторон, не полна: недостает начала и одного листа из середины. Она начинается словами: «На другой день к вечеру приѣзжаетъ», после чего рассказ излагается почти так же, как в печатном тексте; затем он обрывается на словах: «Быстро смѣнялись въ моемъ воображеніи и возно[сили]», после чего следует перерыв, объясняемый потерей листка, т. е. двух страниц. Следующий лист начинается словами: «во всякомъ состраданіи есть облегченіе».

В нескольких местах рукописи поставлены цифры (от 1 до 4), указывающие на перестановку некоторых абзацев. Эта перестановка отчасти осуществлена при напечатании рассказа. Четыре абзаца перечеркнуты крестообразными линиями. Других поправок и вставок мало. Рукопись написана разборчивым почерком; это перебеленный экземпляр.

в) (П. I.12.3.) 4°, 1 л. Лист исписан с обеих сторон разборчивым почерком с немногими поправками; повидимому, он вырезан из какой-то тетради. Страницы помечены цифрами 47 и 48. Вверху страницы,

помеченной цифрой 47, написаны слова: «когда еще не зналъ женщин», после чего изложение начинается с красной строки сноской (1), указывающей, что листок предназначалось вставить в рассказ. Листок не может быть вставкой в рукопись первых двух редакций, так как страницы этих рукописей не нумерованы, а обе страницы листка нумерованы. К какой рукописи предназначалась вставка, остается вопросом.

ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ ТРЕХ РЕДАКЦИЙ «ЗАПИСОК МАРКЕРА».

Первая редакция – первоначальная рукопись, написанная в два дня, значительно отличается от печатного текста. Наиболее значительные отклонения следующие.

Заглавие рассказа первоначально было «Рассказь маркера». Слово «Рассказь» зачеркнуто и вместо него надписано «Записки».

В первом абзаце рассказа имена некоторых лиц, игравших на бильярде, не те, что в печатном тексте:

Такъ часу въ 3-мь было дѣло.

Играли господа: князь М., адъютантъ большой были, Стариковъ, что всегда съ к[няземь], Пань, Огурцовъ, Михайль Иванычъ – народу было порядочно.

Под словами: «адъютантъ большой» следует подразумевать флигель-адъютанта, т. е. адъютанта государя. В печатном тексте эти слова заменены другими: «гость большой» – вероятно по цензурным соображениям. Стариков – это то лицо, которое потом называется «Федоткой».

После слов «шары вынимай» следует вариант № 1. Здесь грубость «гостя большого» («адъютанта большого» в рукописи, т. е. флигель-адъютанта) выражена резче, чем в печатном тексте.

Одежда Нехлюдова описана подробнее:

Сапоги, сертучекъ, жилетикъ, шляпка – все съ иголочки <и сукно, видно, первый портной шиль>, часы золотые старинные и цепь золотая <тогда только мода на толстыя вышла>; на ней всякія штучки висять, тутъ и печатка и каретка, тутъ и сапоги <и въ шарфѣ булабочка дорогая>.

Затем маркер предполагает, что Нехлюдов изъ большой фамиліи, изъ ученья только вышелъ, что изъ деревни приѣхаль, помѣщикъ т[о]е[сть].

Грубость «адъютанта большого» еще раз подчеркнута в следующих словах:

Кричить на меня, что я счель будто не такъ, какъ бурлакъ какой, кій даже объ земь шваркнуль. Не хочу, мыль, больше играть, ужь прямо на барина не похожь.

Вместо слов: «с удовольствием» – в рукописи: Авекъ плезирь (я съ бариномъ старымъ какъ въ Парижѣ жилъ, такъ по-французски научился немного).

Про пана говорится: Да ужь играль чисто... Бестія! и мнѣ то съ нимъ не сыграть.

В рукописи после слов: «я от тебя ничем не обижусь» следует: – А вы – подлець! А вы – мальчишка.

После слов: «вовсе не смыслил» следует эпизод с француженкой (вариант № 2)

После слов: «человек молодой, непривычный» – следует вариант № 3, внесенный в текст рассказа в XII и последующих изданиях полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, но не помещаемый в тексте настоящего издания по соображениям, приводимым ниже, при изложении истории печатания.

В рукописи после слов: «скуластый, дурной такой» следует: такая морда, прости Господи, какъ у моськи, и благороднаго-то ничего нѣтъ, а ходиль чисто, въ каретѣ ѣзжалъ, не своей, а въ княж[еской].

В рукописи после слов «промеж себя разговаривают» следует: Ты, говорить, того, Есмеральду, говорить, не знаешь; что твоя Венера! Она, говорить, такая изъ себя красавица! А Федотка знай калантара поставить, тѣ киксы да киксы, а онъ потаскиваетъ и зашибъ, по б р. съ брата.

В рукописи после слов: «Дай бутылку» следует: А нынче все: угодно вамъ заинтересовать. И съ паномъ даже играть сталь. Ужь я говорю: что вы сударь, мыль, съ такимъ человекомъ играть изволите? Вѣдь онъ ужь, мыль, извѣстный и бить за то.

В рукописи после слов: «Да опять дернет» следует: На другой день его не было; п[ань] съ княземъ играль, да и разговорились про Козельского.205 Онъ, говорить, богатый и знатной фамиліи. Признаюсь, пожалѣль я, что 1000 р. спустиль ему.

В рукописи после слов: «до того доходил, что» подробнее: извощику заплатить у меня занимають, съ Эстервой часто приѣзжалъ, а отъ Ста[рикова] ни на шагъ. На веру играютъ, и какіе-то у нихъ втроемъ съ к[няземъ] счеты были мудреные; ужь не понимаю, кто кому долженъ. Тотъ у того беретъ, тотъ у того беретъ, а все Стар[иковъ] имъ даваль.

После слов: «иду назад» в рукописи несколько иначе: слышу, что кто-то дверью стукнулъ крѣпко, иду въ биль[ярдную], порохомъ пахнетъ. Смотрю, а онъ лежитъ, вздрагиваетъ, пистолеть во рту, кровь изо рта

такъ и хлещеть.

Первоначальная редакция предсмертной записки Нехлюдова, как видно из варианта № 4, несколько отличается от печатного текста и полнее его.

Вторая редакция «Записок маркера» в той части рукописи, которая сохранилась, близка к тексту, напечатанному в сборнике «Для легкого чтения» и изданиях полн. собр. сочинений, начиная с XII издания; но в конце рукописи, в предсмертной записке Нехлюдова, есть два места, не вошедшие в книжный текст. Это – во-первых, те четыре абзаца, которые крестообразно перечеркнуты (вар. № 5) и, во-вторых, рассуждения Нехлюдова о самоубийстве и будущей жизни (вариант № 6). Содержание перечеркнутого отчасти, но в иной редакции, вошло в рассказ. Рассуждения же Нехлюдова выпущены.

Вставной листок (рукопись 1. 12. 3., вар. № 7) не вошел в книжный текст.

ИСТОРИЯ ПЕЧАТАНИЯ «ЗАПИСОК МАРКЕРА».

Рассказ «Записки маркера», посланный в редакцию «Современника» в сентябре или октябре 1853 г., пролежал там больше года и появился в печати только в первом январском номере «Современника» 1855 г. с подписью Л. Н. Т. «Отечественные записки» дали о нем сочувственный отзыв, и Толстой отмечает в своем дневнике 27 марта:

«Приятнее же всего было прочесть отзывы журналов о З[аписках] М[аркера], отзывы самые лестные. Радостно и полезно тем, что поджигая к самолюбию, побуждает к деятельности».

В следующем 1856 году «Записки маркера» вновь появились, уже с подписью «графъ Л. Н. Толстой», в сборнике «Для легкого чтения <повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей», вып. II. Спб., изд. книжного магазина Давыдова и К°. 1856. Цензурное разрешение от 22 мая 1856 года.

Рассказ был передан издателю Давыдову для напечатания в сборнике «Для легкого чтения» самим Толстым.

В его дневнике 14 мая 1856 г., писанном в Петербурге, отмечено: «Пришел Давыдов. Кончил с ним».

Если принять во внимание, что цензурное разрешение на II вып. сборника «Для легкого чтения» помечено 22 мая 1856 г., то надо предполагать, что с Давыдовым речь шла именно о «Записках маркера». Следовательно, текст «Записок маркера», напечатанный в сборнике «Для легкого чтения», есть текст, напечатанный по последней, не сохранившейся рукописи или корректуре, признанной автором окончательной.

В сборнике «Для легкого чтения» «Записки маркера» напечатаны в гораздо более полном виде, чем в «Современнике». При сравнении текста «Для легкого чтения» с текстом «Современника» становится очевидным, что пропуски и изменения в тексте «Современника» – цензурного происхождения. Хотя между временем появления «Записок маркера» в «Современнике» и временем их напечатания в «Для легкого чтения» прошел всего год с небольшим (январь 1855 г. – май 1856 г.), но этот год был как раз началом значительного перелома в русской жизни (19 февраля 1855 г. вступил на престол Александр II) и в частности началом значительного облегчения тех условий, в которых находилась русская печать. Этим и объясняется появление «Записок маркера» в гораздо более исправном и полном виде.

К сожалению, в последующих изданиях сочинений Толстого, включительно до XI изд. 1903 г., «Записки маркера» перепечатывались из «Современника», т. е. в неполном виде. Лишь в XII и последующих изданиях помещен тот текст, который был напечатан в сборнике «Для легкого чтения» с немногими неточностями и некоторой разницей в орфографии.

Сравнение текста «Записок маркера» в «Современнике» с текстом этого же рассказа в сборнике «Для легкого чтения» дает богатый материал для истории цензуры. На это впервые указал М. О. Гершензон в литературном обозрении «Научного слова» за 1905 г.

Однако не все пропуски восстановлены. После слов «человек молодой, непривычный» (стр. 106, строка 15) в сборнике «Для легкого чтения» поставлено двойное тире: –.–, подобное тем двойным тире, которые указывают на пропуски, сделанные в «Современнике».

В XII и последующих изданиях полного собрания сочинений Толстого здесь сделана следующая вставка, заимствованная из первоначальной рукописи: «Так тут бильярд и загадил. Уж на другой день за сукно 80 руб. заплатил».

Однако такая конъектура едва ли уместна, так как Толстой сам передал свой рассказ издателю Давыдову и тем санкционировал его редакцию. Вопрос же о том, сделан ли пропуск автором, издателем или цензором и по каким причинам, в настоящее время не может быть разрешен; поэтому в настоящее издание такая конъектура не вводится, и пропущенное печатается не в тексте, а входит в вариант № 3.

На том же основании из второй редакции рассказа в текст не вносится конец предсмертной записки Нехлюдова (вариант № 6), несмотря на то, что эти рассуждения о самоубийстве и загробной жизни были, вероятно, выпущены по цензурным соображениям.

В настоящем издании «Записки маркера» печатаются в редакции сборника «Для легкого чтения» с сохранением особенностей речи маркера (трахтир, маркел, канфуз, испужался и т. п.) с следующими поправками: Слово «пан», как прозвище одного из бильярдных игроков, печатается нами курсивом и с прописной буквы везде, где он упоминается. В «Современнике» оно напечатано с прописной буквы и

обыкновенным шрифтом, а в сборнике «Для легкого чтения» со строчной буквы и в трех местах курсивом, а в четырех – обыкновенным шрифтом.

Стр. 100, строка 13. Вместо: посмотрел да и сел – печатается как в «Современнике»: посмотрел, посмотрел, да и сел.

Стр. 103, строка 30. Вместо: пирамиду – печатается, тоже по «Современнику»: пирамидку

Стр. 104, строки 39–40. Вместо: чтобы он, то есть, на дуэль согласия не делал – печатается: чтобы он, то есть, на дуэль согласие сделал, что согласно с рукописью.

Стр. 111, строка 1. Вместо: просто ничего политики не знал. – печатается по «Современнику»: простой, ничего политики не знал.

Стр. 116, строка 23. Вместо: грозной колеи – печатается: грязной колеи, что также согласно с рукописью.

Примечания (сноски)

ЗАПИСКИ МАРКЕРА.

77 [Довольно,]

Комментарий С. Л. Толстого

ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ ТРЕХ РЕДАКЦИЙ «ЗАПИСОК МАРКЕРА».

205 В первоначальной редакции Нехлюдов назывался Козельским.